

ДЖУДИТ
МАКНОТ

ДЖУДИТ
МАКНОТ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ
НЕБЕС

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Серия «Богиня»

Judith McNaught

ALMOST HEAVEN

Перевод с английского Г. О. Весниной

Оформление А. А. Кудрявцева, А. Б. Ткаченко
Студия «FOLD & SPINE»

Компьютерный дизайн Э. Э. Кунтыши

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Curtis Brown LTD и Synopsis.

Макнот, Джудит.

М15 **Благословение небес** : [роман] / Джудит Макнот ; [пер. с англ. Г.О. Весниной]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 576 с. — (Богиня).

ISBN 978-5-17-096216-7

Точно сама судьба обрушилась на прекрасную аристократку Элизабет Кэмерон. Осмелившись, имея жениха, полюбить другого мужчину, она потеряла все: и возлюбленного, и уважение общества... Два года страданий, затем — недолгие месяцы счастливого замужества, а потом — снова предательство, одиночество и боль. Удастся ли Элизабет когда-нибудь вернуть любимого и заслужить благословение небес?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-096216-7

© Eagle Syndication, Inc., 1990
© Перевод. Г.О. Веснина, 1999
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

Глава 1

Однажды на рассвете пятнадцать человек в синих с сербром ливреях вышли из ворот Хэвенхёрста и отправились в путь. Все они имели при себе совершенно одинаковые послания от мистера Джулиуса Кэмерона, дяди некой леди Элизабет Кэмерон, которые нужно было в срочном порядке доставить в пятнадцать домов Англии.

Получателей этих посланий объединяло только одно: все они имели несчастье просить руки его племянницы леди Элизабет и получили категорический отказ.

Лицо каждого из этих пятнадцати джентльменов по прочтении письма в первый момент выразило шок. Затем на их лицах можно было прочесть сомнение, насмешку и злорадное удовлетворение. Двенадцать из них тут же ответили отказом на выходящее за рамки всех приличий предложение Джулиуса Кэмерона и поспешили к приятелям, чтобы поделиться с ними этой восхитительной, ошеломляющей новостью.

И только трое из получателей отреагировали так, как это было желательно графу.

Лорд Джон Марчмэн только что вернулся с охоты, которой посвящал все свободное время, когда в дом вошел слуга из Хэвенхёрста, и лакей передал ему письмо. «Черт меня побери», — выдохнул Джон Марчмэн, закончив чтение. В письме черным по белому было написано, что мистер Джулиус Кэмерон хотел бы еще при жизни видеть

пристроенной свою племянницу леди Элизабет Кэмерон, а потому собирается немедленно выдать ее замуж. Поэтому, писал мистер Кэмерон, он хотел бы пересмотреть ранее отвергнутое предложение руки и сердца лорда Марчмэна. Учитывая, что со времени, когда было сделано это предложение, прошло уже более полутора лет, мистер Джулиус Кэмерон предлагал направить к нему свою племянницу в гости (разумеется, не одну, а под присмотром какой-нибудь родственницы или компаньонки), дабы они могли «возобновить свое знакомство».

Не в состоянии поверить написанному, лорд Марчмэн походил по комнате и еще дважды перечитал послание целиком. «Черт меня побери», — проговорил он опять. Запустив пальцы в свои пшеничные волосы, он бессознательно оглядел стену напротив, увешанную его ценнейшими сокровищами — головами животных, убитых им в Европе и других частях света. Американский лось уставился на него остекленевшим взглядом; рядом с ним сердито заворчала голова дикого кабана. Подойдя поближе, Марчмэн с неуместной в данном случае нежностью почесал лося за рогами, выразив ему этим жестом свою признательность за тот чудный день охоты, ознаменовавшийся этим трофеем.

Видение прелестной, кружащейся в танце Элизабет Кэмерон всплыло у него перед глазами — ее невероятно красивое, словно выточенное на камее лицо; зеленые глаза и нежные, улыбающиеся губы. Когда он впервые увидел ее полтора года назад, то сразу подумал, что это самая красивая девушка, которую он встречал в своей жизни. После второй встречи его настолько покорили простота и непосредственность этого прелестного семнадцатилетнего создания, что он помчался к ее брату делать предложение. Брат холодно отказал ему.

Очевидно, дядя Элизабет, который теперь стал ее опекуном, оценил Джона по менее жестким стандартам.

А может быть, за этим решением стояла сама леди Элизабет; возможно, те две встречи в парке значили для нее так же много, как и для него.

Встряхнув головой, Джон подошел к третьей стене, на которой были вывешены различные виды багров для рыбной ловли, и задумчиво выбрал один из них. Сегодня должна клевать форель, подумал он, вспоминая медовые волосы Элизабет. Ее волосы блестели на солнце, напоминая ему блеск чешуи прекрасной форели, плещущейся в реке. Эта аналогия показалась ему такой удачной и поэтичной, что лорд Марчмэн на мгновение застыл, потрясенный этим удачным сравнением. Он решил, что, когда Элизабет придет к нему в следующем месяце, сделает ей комплимент в точности этими словами. Лорд Марчмэн был первым, кто послал положительный ответ ее дяде.

Сэр Фрэнсис Белховен, четырнадцатый адресат Джулиуса Кэмерона, прочитал его письмо, сидя в своей спальне, завернувшись в атласный халат. Его любовница лежала на кровати в противоположном конце комнаты и ждала, когда он закончит читать.

— Фрэнсис, дорогой, — проворковала она, поскребывая ногтями по атласным простыням, — что в этом письме такого важного, что ты сидишь там, вместо того чтобы лежать рядом со мной?

Он поднял голову и передернулся от звука, который она производила ногтями.

— Не рви простыни, любовь моя, они стоят по тридцать фунтов за штуку.

— Если бы ты любил меня, — ответила она, стараясь говорить не слишком ноющим голосом, — ты бы не думал об их стоимости.

Фрэнсис Белховен был так прижимист, что временами Элоиза задумывалась, выгадает ли она что-нибудь, кроме одного-двух платьев в год, если выйдет за него замуж.

— А ты, если бы любила меня, больше пеклась бы о моем кошельке, — последовал незамедлительный ответ.

Как в пять, так и в сорок пять лет Фрэнсис Белховен не был женат, однако он никогда не страдал от недостатка

женского общества и без памяти любил представительниц слабого пола — их тела, лица, и опять тела...

Однако в настоящий момент ему был нужен законный наследник, а для этого требовалась жена. Весь последний год он довольно много размышлял, определяя для себя, каким требованиям (надо сказать, довольно строгим) должна отвечать та любимица фортуны, которую он в конце концов изберет. Он хотел, чтобы его жена была и молода, и красива, и к тому же располагала солидными средствами, дабы предотвратить посягательство на его собственные.

Поверх письма Джулиуса он бросил жадный взгляд на грудь Элоизы и мысленно добавил новое требование к своей будущей жене: она должна понимать, что его чувственные аппетиты очень сильны и он нуждается в разнообразии сексуального меню. Она не должна кукситься, как черносливина, только оттого, что он заведет тривиальную легкую интрижку или даже несколько. Он не намерен в сорок пять лет выслушивать от какой-нибудь девчонки ханжеские нотации о верности и морали.

Образ Элизабет Кэмерон еще больше выигрывал по сравнению с его обнаженной любовницей. Какой аппетитной маленькой штучкой она была два года назад, когда он сделал ей предложение. Тонкая талия, пышная грудь, лицо... незабываемое. Ее капитал... адекватный. Однако после загадочного исчезновения ее брата пошли слухи, что она осталась почти без гроша; но из письма ее дяди явствовало, что она принесет мужу солидное приданое, а это означало, что слухи, как всегда, были только слухами.

— Фрэнсис!

Поднявшись, он прошел через комнату и сел возле Элоизы. Ласково положив руку ей на бедро, другой рукой он дотянулся до звонка.

— Секунду, дорогая, — сказал он, когда в спальню влетел слуга. — Проинструктируй моего секретаря, чтобы он отправил утвердительный ответ, — сказал Белховен, вручая ему письмо.

Последнее послание было переправлено из лондонского дома Яна Торнтон в его загородное поместье Монтмэйн. Там, среди горы деловой и светской корреспонденции, оно и оказалось, ожидая своего часа. Ян Торнтон вскрыл послание Джулиуса Кэмерона, не переставая быстро надиктовывать инструкции своему новому секретарю. Чтобы принять решение, ему вовсе не потребовалось так много времени, как лорду Джону Марчмэну или сэру Фрэнсису Белховену.

Он смотрел на письмо в полном недоумении, в то время как его секретарь Петерс, получивший эту работу всего две недели назад, бормотал про себя благодарственную молитву за перерыв, не переставая писать так бегло, как только мог, пытаясь угнаться за быстрой диктовкой своего работодателя.

— Либо это чья-то ошибка, либо какая-то злая шутка. В противном случае это невыносимо дурной вкус, — про- бормотал Ян с окаменевшим лицом.

Воспоминание об Элизабет Кэмерон всколыхнулось в памяти Яна — маленькая, пустая, меркантильная кокетка с лицом и телом, которые, как наркотик, притупили его ум. Когда он встретил ее, она была помолвлена с виконтом. Видимо, она так и не вышла за своего виконта, — должно быть, бросила его ради кого-нибудь более высокого по- лета. Ему было хорошо известно, что представители англий- ской знати вступали в брак только ради престижа и денег, после чего супруги искали выход своим нежным чувствам где-нибудь на стороне. Очевидно, родственники Элизабет Кэмерон снова вывели ее на брачный аукцион. Коли так, они, должно быть, чертовски жаждут сбить ее с рук, если ради денег Яна готовы отказаться от титула... Это послание скорее всего чья-нибудь глупая шутка. Человек этот, без со- мнения, не забыл слухи, которые ходили после того загород- ного уик-энда, и решил, что Ян найдет эту шутку забавной.

Отбросив мысли о шутнике и Элизабет Кэмерон, Ян перевел взгляд на своего замученного секретаря, который продолжал писать как сумасшедший. «Ответ не нужен», — сказал он и перебрросил письмо через стол секретарю, но белый пергамент соскользнул с полированного дуба и плав-

но опустился на пол. Петерс неуклюже подпрыгнул, чтобы поймать его, и вся остальная корреспонденция упала на пол с его колен.

— Пп-простите, сэ, — забормотал секретарь, вскакивая и сбивая в кучу бумаги, рассыпавшиеся по ковру. — Я чрезвычайно извиняюсь, мистер Торнтон, — добавил он, хватая контракты, приглашения, письма и складывая их в беспорядочную кипу.

Хозяин, похоже, не слышал его. Он уже выдавал новые инструкции и переправлял через стол приглашения и письма.

— Отклоните первые три, примите четвертое, пятому откажите. На это пошлите мои соболезнования. На это объясните, что я собираюсь в Шотландию, и отправьте приглашение встретиться там; одновременно с этим пошлите распоряжение приготовить коттедж к моему приезду.

Петерс высунул голову из-за стопки бумаг, которые прижимал к груди.

— Да, мистер Торнтон, — сказал он, пытаясь придать своему голосу уверенность. Но когда стоишь на коленях, очень трудно сохранять уверенность в себе. Петерсу это было еще труднее, так как он не был точно уверен, что правильно запомнил, к каким письмам и приглашениям относились инструкции хозяина.

Весь остаток дня Ян Торнтон работал в своем кабинете с Петерсом, который совершенно обессилел от непрерывного писания под диктовку.

Вечер Ян провел с графом Мельбурном, своим будущим тестем, обсуждая условия брачного контракта. А Петерс весь вечер пытался выяснить у дворецкого, какие приглашения, по его мнению, хозяин должен был бы принять, а какие отклонить.

Глава 2

Лакей, выполнявший при необходимости обязанности конюха, помог ей спешиться. Надо заметить, что необходимость сочетать обе эти должности возникала постоянно.

Леди Элизабет Кэмерон, графиня Хэвенхёрстская, спрыгнула со своей кобылы, которую давно уже следовало отправить на заслуженный отдых. «Спасибо, Чарльз», — сказала она, признательно улыбнувшись старому слуге.

В эту минуту молодая графиня даже отдаленно не напоминала женщину, принадлежащую к дворянскому сословию; более того, ее вряд ли можно было назвать даже просто леди. Голова ее была повязана голубой косынкой; простое платье без какой бы то ни было отделки давно вышло из моды; на руке висела корзинка, которую она всегда брала с собой, когда отправлялась на рынок. Но ни блеклый наряд, ни древняя лошадь, ни корзинка, висевшая на руке, не смогли изменить внешность Элизабет Кэмерон настолько, чтобы ее можно было назвать обычной. Золотые волосы роскошной волной падали из-под косынки ей на спину; когда же она снимала косынку, которую повязывала, только выходя в деревню, эти чудные волосы, редко заплетавшиеся в косу, лежали на плечах, обрамляя потрясающей, безупречной красоты лицо. У нее были прекрасно вылепленные высокие скулы, сливочного оттенка кожа дышала здоровьем, так же свежи и нежны были мягко очерченные губы. Но больше всего в ее внешности привлекали глаза — под разлетающимися бровями, окаймленные длинными загнутыми ресницами, они были поразительно яркого зеленого цвета. Не светло-карие и не голубые, как вода, а зеленые; замечательно выразительные глаза, которые сверкали, как изумруды, когда она была счастлива, и темнели, как река перед грозой, когда она грустила или задумывалась.

Лакей с надеждой впился глазами в содержимое корзинки, завернутое в бумагу, но Элизабет с сожаляющей улыбкой покачала головой.

— Там нет фруктовых пирожных, Чарльз. Они оказались слишком дорогими, и мистер Дженкинс никак не хотел проявить благоразумие. Я сказала ему, что куплю целую дюжину, но он не согласился сбросить цену больше, чем на пенни, поэтому я не купила ни одного — просто из принципа. Знаешь, — призналась она, засмеявшись, — на

прошлой неделе, увидев, что я свернула к его магазину, он спрятал за дверь мешки с мукой!

— Он просто трус! — сказал Чарльз, усмехнувшись.

Всем торговцам и лавочникам в округе было известно, что Элизабет Кэмерон держалась за каждый шиллинг до последнего, и, когда она начинала сбивать цену, а делала она это неизменно, лишь немногие могли устоять под напором ее аргументов. В этой борьбе главным ее преимуществом была не красота, а интеллект; она не только умела мгновенно складывать и умножать в уме любые цифры, но, перечисляя причины, по которым, на ее взгляд, следовало бы сбросить цену, была так изобретательна, что либо доводила своих оппонентов до изнеможения, либо окончательно запутывала, вынуждая их нехотя с ней соглашаться.

Столь рачительное отношение к деньгам Элизабет распространяла не только на лавочников; в самом Хэвенхёрсте она придерживалась такой же тактики, экономя буквально на всем; и в конце концов это принесло свои плоды. В девятнадцать лет девушка осталась совсем одна, и волей-неволей ей пришлось взвалить на свои плечи все заботы о поместье, унаследованном ею от предков, и содержать восемнадцать слуг, оставшихся из тех девяноста, что служили у них раньше. С помощью незначительной финансовой поддержки своего прижимистого дяди Элизабет удалось сделать почти невозможное: вот уже два года она спасала Хэвенхёрст от продажи с молотка, а также кормила и одевала слуг. Единственной «роскошью», которую позволила себе Элизабет, была мисс Люсинда Трокмортон-Джонс. Эта дама была ее дуэньей, а теперь еще и платной компаньонкой на сильно урезанном жалованье. И хотя Элизабет знала, что вполне может жить в Хэвенхёрсте одна, она также понимала, что сделай она это, и то небольшое, что осталось от ее репутации, будет окончательно погублено.

Элизабет передала корзинку лакею и в утешение сказала:

— Вместо фруктовых пирожных я купила клубнику. Мистер Зергуд оказался более благоразумным, чем мистер

Дженкинс. Он согласился с тем, что, когда человек покупает что-то в большом количестве, то, само собой разумеется, за каждый предмет в отдельности он платит меньше.

Чарльз поскреб в голове, стараясь не показать, что ход ее мыслей для него слишком сложен, и изобразил полное понимание.

— Само собой, — сказал он, уводя лошадь, — любому дураку ясно.

— Вот и я говорю, — сказала Элизабет. Затем повернулась и легко взбежала по ступенькам крыльца, прикидывая в уме, какие записи нужно сделать в расходной книге. Бентнер распахнул перед ней дверь; на его полном немолодом лице было написано сильное волнение. Тонем человека, которого распирает от радости, но который слишком горд, чтобы показать это, он провозгласил:

— К вам посетитель, мисс Элизабет!

Вот уже полтора года у нее не было посетителей, поэтому не удивительно, что Элизабет вслед за смятением, охватившим ее в первый момент, почувствовала прилив ребяческой радости. Это не мог быть кредитор — она распродала почти всю мебель и очистила Хэвенхёрст от всего мало-мальски ценного, зато полностью расплатилась со всеми кредиторами.

— Кто это? — спросила Элизабет, входя в холл и развязывая косынку.

Сияющая улыбка расплылась по всему лицу Бентнера.

— Это Александра Лоуренс! Э-э, Таунсенд, — поправился он, вспомнив, что посетительница теперь уже замужем.

От радости и невозможности поверить в это Элизабет на мгновение застыла, а потом развернулась и помчалась по коридору с неподобающей для леди скоростью, срывая на ходу косынку. В дверях она внезапно остановилась, косынка повисла у нее в руках, и взгляд упал на красивую молодую брюнетку в элегантном красном дорожном костюме, стоявшую посреди комнаты. Брюнетка повернулась, девушки взглянули друг на друга, и в уголках их губ и в глубине глаз

заиграли улыбки. Элизабет, переполненная восхищением, удивлением и радостью, наконец прошептала:

— Алекс? Это действительно ты?

Брюнетка улыбнулась, теперь уже открыто.

Они еще немного неуверенно постояли; каждая из них отмечала драматические перемены в другой, произошедшие за эти полтора года, и каждая испытывала легкую тревогу, когда обнаруживала, что перемена была слишком сильной. В безмолвной комнате воспоминания о детской дружбе и давней привязанности друг к другу быстро начали обступать их со всех сторон, затем подтолкнули вперед, заставив сделать один нерешительный шаг навстречу, после чего они побежали и обхватили друг друга руками, сжимая в неистовых объятиях, смеясь и плача от радости.

— О, Алекс, ты так замечательно выглядишь! Я так скучала по тебе! — засмеялась Элизабет, снова стиснув подругу. В светском обществе Алекс звалась Александрой, герцогиней Хостонской, но для Элизабет она была просто Алекс, ее старинной подругой, подругой, которая долгое время была в свадебном путешествии и вряд ли могла знать, в какую ужасную переделку попала Элизабет в ее отсутствие.

Потянув подругу к дивану и усадив, Элизабет обрушила на нее стремительный поток вопросов. «Когда ты вернулась из свадебного путешествия? Счастлива ли ты? Как ты оказалась здесь? Как долго у меня пробудешь?»

— Я тоже скучала по тебе, — сказала Алекс, радостно смеясь и отвечая на вопросы Элизабет в том же порядке, в каком они были заданы. — Я вернулась три недели назад. Я невероятно счастлива. Я здесь, чтобы повидать тебя, конечно же, и погощу несколько дней, если ты не возражаешь.

— Конечно, не возражаю! — весело сказала Элизабет. — У меня нет абсолютно никаких планов, за исключением сегодняшнего дня. Сегодня ко мне должен приехать дядя.

В действительности список светских развлечений Элизабет был абсолютно чист на все двенадцать месяцев в году, но визиты ее дяди были еще большим несчастьем, чем отсутствие визитов вообще. Но сейчас все это не имело

значения. Элизабет была так счастлива снова видеть свою подругу, что беспрерывно улыбалась и ничего не могла с этим поделать.

Как когда-то в юности, они скинули обувь и, поджав под себя ноги, стали болтать обо всем сразу, как будто и не было этих полутора лет; они вспоминали свои детские годы, и их лица попеременно становились то счастливыми, то нежными и печальными.

— Ты сможешь когда-нибудь забыть, — смеясь спросила Элизабет двумя часами позже, — какие смешные турниры мы устраивали, когда нас приглашали к Мэри Эллен на день рождения?

— Никогда, — улыбнулась при этом воспоминании Алекс.

— На рыцарских поединках ты каждый раз сбрасывала меня с седла, — напомнила Элизабет.

— Да, зато ты всегда выигрывала в соревнованиях по стрельбе. Во всяком случае, до тех пор, пока об этом не узнали твои родители и не решили, что ты слишком взрослая — или слишком утонченная, — чтобы участвовать в этом. — Алекс вздохнула. — Нам не хватало тебя.

— Не так сильно, как мне вас. Я всегда точно знала, в какой день будет турнир, и изнывала от тоски, представляя, как вы там веселитесь. А потом мы с Робертом решили устраивать собственные турниры и уговорили участвовать в них всех слуг, — добавила она и засмеялась, вспомнив себя и своего сводного брата в те далекие дни.

В ту же секунду улыбка сошла с лица Алекс.

— А где Роберт? Ты ни разу о нем не упомянула.

— Он... — Элизабет заколебалась, понимая, что невозможно рассказать об исчезновении брата, умолчав обо всем, что этому предшествовало. С другой стороны, сочувствие, проскальзывавшее в глазах Александры, вызывало у Элизабет подозрение, что ее подруге уже известна вся история. Бесстрастным голосом она произнесла:

— Роберт исчез полтора года назад. Я думаю, это может быть связано с... в общем, с долгами. Давай сейчас не будем об этом, — торопливо добавила она.